

IJTIMOYIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

ISSN 3060-5059

VOL.3 № 4

2026

AVTOBIOGRAFIK ASARNING MODUS XUSUSIYATLARI

Ismailova Xurliman Najimatdinovna
Qoraqalpoq davlat universiteti, PhD, dotsent

Annotatsiya

Mazkur maqolada avtobiografik asar muallifning shaxsiy tajribasi tarixiy vaqt, xotira va matnning janriy tuzilishi bilan uyg'unlashgan o'ziga xos badiiy tafakkur shakli sifatida tahlil qilinadi. Tadqiqotda avtobiografik matn faqat biografik faktlar bayoni emas, balki shaxsning o'zini anglash va o'zini ifodalashning estetik modelini tashkil etishi asoslab beriladi. Ishda janriy belgilar, xotira poetikasi, hujjatli va badiiy unsurlar o'rtasidagi nisbat hamda avtobiografik modusning ijodiy individuallikni ochib berishdagi roli yoritiladi.

Kalit so'zlar: avtobiografizm, avtobiografik asar, modus, poetika, janr, muallif, xotira, badiiy ong, tarixiy poetika, memuarlik.

МОДУС АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Исмаилова Хурлиман Нажиматдиновна
Каракалпакский государственный университет, PhD, доцент

Аннотация

В статье рассматривается автобиографическое произведение как особая форма художественного мышления, в которой личный опыт автора соединяется с историческим временем, памятью и жанровой организацией текста. Обосновывается, что автобиографический текст не сводится к простому изложению биографических фактов, а представляет собой эстетически оформленную модель самопознания и саморепрезентации личности. Анализируются жанровые признаки, поэтика памяти, соотношение документального и художественного начал, а также роль автобиографического модуса в раскрытии творческой индивидуальности.

Ключевые слова: автобиографизм, автобиографическое произведение, модус, поэтика, жанр, автор, память, художественное сознание, историческая поэтика, мемуарность.

THE MODE OF AN AUTOBIOGRAPHICAL WORK

Ismailova Khurliman Najimatdinovna
Karakalpak State University, PhD, Associate Professor

Abstract

This article examines autobiographical writing as a specific form of artistic thinking in which the author's personal experience is intertwined with historical time, memory, and the genre structure of the text. It argues that autobiographical texts are not merely a presentation of biographical facts but an aesthetically constructed model of self-knowledge and self-representation. The study analyzes genre features, the poetics of memory, the relationship between documentary and artistic elements, and the role of the autobiographical mode in revealing creative individuality.

Keywords: autobiographism, autobiographical work, mode, poetics, genre, author, memory, artistic consciousness, historical poetics, memoir writing.

Каждый литературный жанр существует в определённой системе историко-

культурных координат и развивается не как неподвижная формальная схема, а как живая и изменчивая модель художественного сознания. В этом смысле автобиографическое произведение занимает особое место в истории литературы, поскольку именно в нём наиболее последовательно проявляется взаимосвязь между личностью автора, его духовным опытом, историческим временем и структурой художественного высказывания. Автобиографический текст возникает там, где индивидуальная судьба осознаётся как носитель более широкого культурного содержания, а личная память становится способом постижения эпохи.

Вопрос об автобиографическом модусе произведения требует рассмотрения не только в жанровом, но и в философско-эстетическом аспекте. Если в обычном повествовании автор может быть отнесён к внешней по отношению к тексту инстанции, то в автобиографическом письме он одновременно выступает и субъектом речи, и объектом художественного изображения. Отсюда вытекает особая сложность данного типа словесности: повествователь рассказывает о самом себе, однако изображённое «я» уже не тождественно реальному человеку в его непосредственном жизненном бытии. Между автором как живущей личностью и автором как носителем текста возникает дистанция, которая и делает возможным художественное самопознание.

Именно поэтому автобиографическое произведение не следует понимать как простую хронику жизни, свод фактов или линейный рассказ о пережитом. Оно представляет собой форму эстетической переработки биографии, где опыт, память, самооценка, временная перспектива и культурная рефлексия объединяются в единую художественную систему. В этом качестве автобиографический текст становится не приложением к биографии писателя, а полноценным объектом литературоведческого анализа.

Современное литературоведение исходит из того, что жанр является не только классификационной единицей, но и способом организации содержания. В. Е. Хализев подчёркивает, что литературное произведение следует рассматривать как целостность, в которой форма и содержание находятся в органическом единстве; жанр в таком понимании задаёт не внешний шаблон, а внутренний принцип построения текста [7, с. 195]. Аналогичным образом теория литературных жанров, разработанная в трудах Н. Д. Тмарченко и его коллег, рассматривает жанр как исторически изменяющуюся модель художественного целого, способную модифицироваться в зависимости от типа повествования, характера субъектной организации и культурного контекста. Эти положения имеют принципиальное значение для понимания автобиографического модуса, поскольку позволяют увидеть в нём не механическое сочетание биографии и повествования, а особый тип художественной формы [6, с. 110].

В русской литературоведческой традиции центральное место в осмыслении проблемы автора занимает М. М. Бахтин [1, с. 256]. Его концепция отношений автора и героя особенно важна для анализа автобиографического письма, поскольку именно здесь автор оказывается поставлен в уникальную позицию: он должен придать эстетическую завершенность собственной жизни, не совпадая полностью с самим собой как эмпирическим субъектом. Различение М. М. Бахтиным жизненного и эстетического «я» позволяет глубже понять природу автобиографического текста: автор не просто вспоминает, а оформляет свою жизнь как смысловое и ценностное целое. Следовательно, автобиография — это не только рассказ о прошлом, но и акт эстетической самообъективации.

Не менее значимы для данного вопроса идеи Ю. М. Лотмана о тексте как знаковой системе и работы Д. С. Лихачёва о поэтике исторического времени и пространства [4, с. 302]. Лотмановский подход позволяет рассматривать автобиографическое произведение как систему кодов, в которой личный опыт превращается в культурно значимое сообщение.

Лихачёв, исследуя поэтику исторически обусловленных литературных форм, показал, что категории времени, пространства и памяти в литературе обладают не только описательной, но и миромоделирующей функцией. Для автобиографического письма это особенно существенно: прошлое в нём не просто воспроизводится, а заново выстраивается в соответствии с логикой авторского самопонимания.

Особую ценность для анализа внутреннего мира автобиографического героя представляют труды Л. Я. Гинзбург. Исследуя психологическую прозу, она связывала способы изображения личности с исторически изменяющимися представлениями о человеке [2, с. 286]. Это положение чрезвычайно важно и для автобиографического текста, поскольку последний всегда строится на определённой концепции личности: автор не только сообщает о событиях, но и предлагает читателю собственную модель человека, его внутренней мотивации, памяти, переживания и духовной самооценки. В результате автобиографическое произведение оказывается формой не просто биографического, но и психологического знания о человеке.

Автобиографический модус не возникает внезапно и не формируется вне длительной историко-литературной традиции. Его истоки восходят к тем формам словесности, в которых личность исторического деятеля, мыслителя, правителя или писателя становилась организующим центром повествования. При этом ранние формы персонализированного повествования далеко не всегда совпадают с жанром автобиографии в его современном понимании. Тем не менее именно они подготавливают культурную почву для формирования автобиографической прозы.

В тюрко-восточной литературной традиции значительную роль в этом процессе сыграли исторические сочинения, посвящённые крупным государственным деятелям. Так, «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами и Шараф ад-Дина Али Йазди представляет собой не автобиографию, а историко-биографическое повествование о личности и деяниях Амира Темура. Однако важность подобных текстов состоит в том, что они закрепляют принцип повествовательной концентрации вокруг фигуры исторического субъекта, формируя модель, при которой человек становится смысловым центром изображения эпохи. В них биография выступает уже не как перечень фактов, а как форма исторического осмысления личности.

Ещё более близким к автобиографическому письму памятником является «Бабур-наме», которое в научной и справочной традиции характеризуется как произведение преимущественно автобиографического характера, сочетающее мемуарность, историческое свидетельство и личную авторскую рефлексию. Значение данного текста определяется не только документальной ценностью, но и тем, что в нём уже проявляется способность автора осмысливать себя как фигуру истории, культуры и собственной памяти. В этом отношении «Бабур-наме» можно рассматривать как один из важнейших предшественников автобиографического модуса в литературе Центральной Азии.

Следовательно, исторический путь автобиографического жанра связан с постепенным переходом от биографического описания к личностно окрашенному самоповествованию, от внешней фиксации деяний — к внутреннему осмыслению прожитой жизни. По мере развития литературы усиливается интерес не только к поступкам человека, но и к его духовному миру, к логике самосознания, к процессу внутреннего становления личности. Именно здесь рождается подлинно автобиографический модус — как форма изображения жизни изнутри.

Одной из наиболее важных проблем при изучении автобиографического произведения является вопрос о соотношении документальности и художественности. Ошибочным было бы противопоставлять эти начала как взаимоисключающие. Автобиографический текст действительно опирается на реальную биографическую основу: он связан с фактами, событиями, именами, переживаниями и обстоятельствами,

принадлежащими жизни автора. Но сама по себе фактическая достоверность ещё не делает текст литературным явлением. Литература начинается там, где жизненный материал получает композиционную, образную, речевую и ценностную организацию.

Именно поэтому автобиографическое произведение нельзя свести к хронике, анкете или биографической справке. В нём факты проходят через сложный процесс отбора, оценки, внутреннего соотнесения и смыслового упорядочивания. Автор вспоминает не всё, а только то, что становится значимым для его нынешнего самопонимания; он выстраивает события не только по хронологии, но и по их духовной значимости; он организует прошлое в соответствии с определённой концепцией собственной жизни. Следовательно, документальное начало в автобиографической прозе оказывается не конечной целью, а исходным материалом для художественного построения.

Г. Н. Пospelов, рассматривая литературу как форму идейно-эстетического освоения действительности, помогает понять, почему биографический факт в художественном тексте не тождествен эмпирическому событию [5, с. 295]. Попадая в структуру произведения, жизненный материал неизбежно обобщается, ценностно переосмысливается и вступает в систему литературных связей. В автобиографическом жанре это особенно заметно, поскольку здесь сам автор является не только свидетелем, но и интерпретатором собственной жизни. Биография в таком случае становится не просто историей частного лица, а способом выражения мировоззрения, характера эпохи и духовной ситуации времени.

Ключевой категорией автобиографического произведения является память. Однако память в литературе не тождественна механическому воспроизведению прошлого. Она избирательна, ассоциативна, ценностно окрашена и внутренне драматична. Автобиографическое письмо всегда связано с возвращением к уже прожитому, но это возвращение совершается из иной временной точки. Автор вспоминает события прошлого, находясь в настоящем, а потому неизбежно переоценивает их, обнаруживает в них новые смыслы, вводит в повествование опыт последующего знания.

Отсюда возникает особая временная многослойность автобиографического текста. В нём сосуществуют по меньшей мере два временных плана: время переживания и время повествования. Первое связано с непосредственным опытом героя прошлого; второе — с рефлексией повествователя, уже знающего последствия произошедшего. Это двойное время придаёт автобиографической прозе глубину и внутреннюю напряжённость: между «тогда» и «теперь» располагается работа сознания, переосмысляющего судьбу.

В этом аспекте идеи Д. С. Лихачёва о художественном времени и пространстве оказываются особенно продуктивными. Автобиографическое произведение моделирует прошлое не как неподвижную последовательность фактов, а как духовно освоенное пространство памяти, где события получают различную степень смысловой насыщенности. Одни эпизоды расширяются, другие сжимаются, третьи получают символическую функцию. Память, таким образом, выступает не складом фактов, а активным поэтическим механизмом [3, с. 223].

С теоретической точки зрения одной из наиболее сложных проблем является субъектная организация автобиографического произведения. В традиционном эпическом повествовании автор, повествователь и герой могут быть чётко разведены. В автобиографии же эти инстанции сближаются, но полностью не совпадают. Реальный автор создаёт повествователя, который рассказывает о герое, являющемся его собственным прошлым «я». Иначе говоря, в одном тексте наслаиваются разные формы субъектности.

Подобная структура делает автобиографическое произведение особенно ценным для литературоведческого анализа. Оно позволяет наблюдать, каким образом личность создаёт собственный образ и как этот образ соотносится с историческим, нравственным и эстетическим самосознанием автора. Здесь выявляется важнейшее свойство жанра: он не

только сообщает о человеке, но и демонстрирует сам процесс его самоконструирования в слове.

С этой точки зрения автобиографическое произведение является пространством внутреннего диалога. Автор ведёт разговор не только с читателем, но и с самим собой, со своим прошлым, со своей памятью, с собственной системой ценностей. Поэтому в подлинно художественной автобиографии всегда присутствует элемент самопроверки, нравственного суда, попытки осмыслить не только то, что произошло, но и то, кем в результате стал сам повествующий субъект. Именно это придаёт автобиографическому письму философскую глубину.

Одним из существенных достоинств автобиографического модуса является его способность раскрывать творческую личность не в абстрактно-героическом, а в исторически и человечески конкретном измерении. Долгое время в литературоведении и читательском восприятии существовала тенденция воспринимать писателя через набор хрестоматийных представлений: дата рождения, перечень произведений, общественная позиция, несколько биографических эпизодов. Подобный подход, хотя и полезен в справочном отношении, не раскрывает внутренней логики творческой индивидуальности.

Автобиографическое и мемуарное письмо разрушает эту схему. Оно показывает писателя в процессе внутреннего формирования, в системе личных связей, сомнений, потерь, духовных кризисов, нравственных решений и исторических испытаний. В результате автор предстаёт не как статичная культурная эмблема, а как живой и противоречивый человек, чьё творчество рождается в сложном взаимодействии личного темперамента и времени.

В этом смысле особенно значимы наблюдения Л. Я. Гинзбург, связывавшей изображение внутреннего мира человека с исторически меняющейся концепцией личности [2, с. 380]. Применительно к автобиографической прозе это означает, что каждый текст подобного типа не только повествует о частной жизни, но и несёт в себе определённое представление о человеке как таковом: о его памяти, ответственности, самосознании, способности к внутреннему развитию и духовному сопротивлению обстоятельствам. Автобиографическое произведение становится, таким образом, лабораторией антропологического знания в литературе.

Для узбекской литературы проблема автобиографического модуса имеет особую значимость, поскольку связана не только с развитием жанров, но и с вопросом о культурной памяти, национальной идентичности и исторической преемственности. В этой традиции значительное место занимают тексты, в которых личность выступает центром художественного и исторического осмысления. При этом особенно важны не только собственно автобиографии, но и мемуарно-биографические произведения, раскрывающие творческую индивидуальность через свидетельство современника, родственника, ученика или последователя.

Показательным примером в данном отношении является книга Хабибуллы Кадыри «Отам хақида» («Об отце»), посвящённая личности Абдуллы Кадыри. Ценность этого произведения определяется тем, что в нём совмещаются семейная память, документальный материал, биографическая реконструкция и внутренне мотивированное стремление понять духовный облик писателя. Такой текст уже невозможно рассматривать только как личное воспоминание: он перерастает рамки частной семейной хроники и становится важным источником для осмысления национальной литературной истории. Произведение показывает, как образ писателя формируется на пересечении интимной памяти и общественного сознания, личной привязанности и исторической ответственности.

Именно в подобных текстах особенно отчётливо проявляется синкретическая природа автобиографического модуса. Он способен включать в себя элементы мемуаров, биографии, литературного портрета, семейного свидетельства, исторического комментария

и культурной рефлексии. Это делает его чрезвычайно гибкой и содержательно насыщенной формой, особенно востребованной в тех литературных традициях, где задача восстановления исторической памяти тесно связана с возвращением подлинного облика творческой личности.

Развитие литературы XX и XXI веков свидетельствует о том, что автобиографический модус не только не утратил своей значимости, но, напротив, стал одной из наиболее продуктивных форм художественного самовыражения. Исследования мемуарно-автобиографической словесности и работы о жанре автобиографической прозы показывают, что границы между мемуарами, автобиографией, исповедью, дневником, эссе и романом всё чаще становятся подвижными. Это означает, что жанр развивается не по линии распада, а по линии усложнения.

Современный интерес к автобиографической прозе связан с несколькими обстоятельствами. Во-первых, усилилось внимание к внутреннему миру личности и к проблеме идентичности. Во-вторых, возросла роль памяти как категории культуры. В-третьих, литература всё настойчивее стремится соединить личное свидетельство с исторической травмой, коллективным опытом, семейной памятью и вопросами нравственной ответственности. Именно поэтому автобиографический текст оказывается особенно востребованным: он позволяет увидеть, как большая история проходит через судьбу отдельного человека и как индивидуальное переживание становится формой культурного самопонимания.

Следовательно, автобиографический модус сегодня следует понимать не как периферийное или вспомогательное явление, а как одну из центральных форм литературного осмысления человека. Через него раскрываются не только биографические факты, но и структура памяти, характер самосознания, способы построения жизненного смысла, внутренняя работа личности по отношению к собственному прошлому.

Таким образом, автобиографическое произведение представляет собой сложное жанрово-поэтическое образование, в котором биография преобразуется в художественно организованную форму самопознания и исторического осмысления личности. Его сущность состоит не в простом воспроизведении жизненных фактов, а в эстетическом моделировании судьбы, где память, оценка, временная перспектива, авторская рефлексия и культурный контекст образуют неразрывное целое.

Автобиографический модус выявляет глубокую связь между человеком и эпохой, между личной судьбой и коллективной историей, между индивидуальной памятью и культурной традицией. Он позволяет исследовать не только то, что произошло в жизни автора, но и то, каким образом прожитое становится словом, образом, структурой, смыслом. Именно поэтому изучение автобиографического произведения имеет принципиальное значение для современного литературоведения: через него литература раскрывает механизмы формирования личности, работы памяти и художественного самосознания.

Следовательно, автобиографизм следует рассматривать как одну из наиболее содержательных форм литературного мышления, в которой художественное, документальное, психологическое и историческое начала соединяются в единой эстетической системе. В этом и заключается его особая ценность: он открывает путь к пониманию человека не только как героя собственной жизни, но и как носителя исторической, нравственной и культурной памяти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). – М.: Языки славянских культур, 2012. – 880 с.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – Л.: Советский писатель, 1971. – 464 с.
3. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – 394 с.

4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 387 с.
5. Пospelov Г. Н. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1978. – 352 с.
6. Тамарченко Н. Д. (ред.) Теория литературных жанров. – М.: Академия, 2011. – 256 с.
7. Хализев В. Е. Теория литературы. – 6-е изд. – М.: Академия, 2013. – 432 с.
8. Ismailova Kh. N. Alisher Navoiy “Xamsa”si turkiy adabiyotdagi badiiy yuksalish sifatida // CARJIS. – 2021. – № 2.
9. Ismailova Kh. N. Alisher Navoiy “Xamsa”sida milliy mentalitet ifodalanish xususiyatlari (“Hayrat ul-abror” dostoni asosida) // CARJIS. – 2021. – № 2.
10. Ismailova Kh. N. O‘zbek adabiyotining buyuk dahosi Alisher Navoiyning shakllanishi // CARJIS. – 2021. – № 2.
11. Ismailova Kh. N. Mediatekstning mazmuni va xususiyatlari // Academic Research in Educational Sciences. – 2022. – № 12.
12. Ismailova K. Interpretation of modification of artistic components // Mental Enlightenment Scientific-Methodological Journal. – 2023. – Vol. 4, No. 4.
13. Ismailova Kh. System of compositional units in the work of O. Umarbekov // Mental Enlightenment Scientific-Methodological Journal. – 2024. – Vol. 5, No. 7. – P. 75–83.